

ДОН НИГРО

ПУШКИН

Дон Нигро

Пушкин

«Автор»

2007

Нигро Д.

Пушкин / Д. Нигро — «Автор», 2007

Дон Нигро «Пушкин/Pushkin». 8 актеров (3 женских и 5 мужских ролей). Честная, искренняя, объективная пьеса. На естественный вопрос россиян: «Почему она написана?» – автор сам дает ответ: «Разумеется, мне могут сказать, не можешь ты писать о Пушкине. Американец, пишущий о Пушкине, выглядит таким же идиотом, как русский, пишущий о Марке Твене. Что ты действительно можешь об этом знать? Могу только ответить, как наверняка ответил бы Пушкин, если бы кто-то попытался сказать ему, что должно, а что не должно ему писать: да пошли вы...»

© Нигро Д., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина 1	6
Картина 2	8
Картина 3	11
Картина 4	14
Картина 5	16
Картина 6	17
Картина 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дон Нигро Пушкин

Действующие лица

ПУШКИН
ГОГОЛЬ
БЕНКЕНДОРФ/МАНЬЯК
ГЕККЕРН/СМЕРТЬ¹/ГОНЧАРОВ
ДАНТЕС/ГОРИЛЛА
КАТЯ/ДЕВУШКА-ЛЕОПАРД
АЛЕКСАНДРА/ПИКОВАЯ ДАМА
НАТАЛЬЯ

Место действия: различные места и дома в России в начале 19-го века. Одна простая декорация представляется собой все. Никаких изменений по ходу пьесы.

У авансцены справа маленький письменный стол и стул. У авансцены правее центра большое растение в кадке. По центру сцены справа пустая овальная рама от зеркала, через которую одни персонажи могут наблюдать за другими. По центру в заднике дверная арка. Слева в глубине сцены маленький диван. У авансцены слева круглый деревянный стол со стульями. Другие деревянные табуреты и стулья так, где они нужны, но на середине сцены должно быть достаточно места для танцев.

В этой пьесе все происходит вроде бы по ходу нескончаемого сюрреалистического бала, который в общих чертах обозначен светом и музыкой. На самом деле в нем сливаются воедино множество событий, разнесенных на годы, а может – это кошмарный бал, который продолжался в разуме Пушкина после дуэли, или в разуме Гоголя, когда тот пытался написать эту пьесу. Актеры привлекают к себе внимание зрителей, а потом плавно «уходят из кадра», без разрыва действия.

«Пушкин... унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Ф.М.Достоевский

«...Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца...»

А.С. Пушкин

---

¹ По западной традиции Смерть – мужчина. Вероятно, эту роль целесообразно отдать кому-то из актрис.

Действие первое

Картина 1

(Свет в зале гаснет под Революционный этюд Шопена. Когда музыка смолкает, слышится шум ветра и в неестественном синеватом свете появляются смутные фигуры: ПУШКИН сидит за письменным столом справа и смотрит влево. ДАНТЕС стоит левее центра и смотрит на ПУШКИНА. БЕНКЕНДОРФ стоит за рамой и через нее смотрит на ПУШКИНА. Три сестры, КАТЯ, НАТАЛЬЯ и АЛЕКСАНДРА, сидят на диване слева, смотрят на ПУШКИНА. ГЕККЕРН стоит слева от дивана, ближе к авансцене, смотрит на ДАНТЕСА. В дверной арке появляется ГОГОЛЬ, смотрит на ПУШКИНА).

ГОГОЛЬ. Пять вечера, неподалеку от берега Черной речки. Очень холодно и почти стемнело. Дует порывистый ветер. Вороны на голых ветвях деревьев. Пушкин сидит на сугробе, спокойно дожидаясь, когда он сможет убить любовника своей жены. Некоторые моменты впечатываются в душу.

(Воронье карканье).

ПУШКИН. Я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но чувствую теперь, что нет...

НАТАЛЬЯ. Все не так. Это нереально. Все случилось совсем по-другому. Не могло так случиться. Не могло быть так глупо.

ПУШКИН *(глядя на НАТАЛЬЮ)*. Не расстраивайся. Твоей вины тут нет.

ГОГОЛЬ. Он сказал, твоей вины тут нет.

(ПУШКИН и НАТАЛЬЯ переглядываются, потом раздается выстрел, громкий, с эхом, вороны, каркая, улетают. Потом ПУШКИН поворачивается на стуле и начинает писать. Звучит этюд 19 Шопена, опус 25 номер 7, до-диез минор, перекидывающий мостик к следующей сцене. У задника ДАНТЕС и ГЕККЕРН присоединяются к трем женщинам в тихом разговоре на балу. ГОГОЛЬ смотрит на них, а потом проходит к столу слева. Музыка затихает, но продолжает едва слышно звучать).

БЕНКЕНДОРФ *(все еще в овальной раме)*. Пушкин.

ПУШКИН *(увлеченный работой)*. Извините. Нет времени.

БЕНКЕНДОРФ. Царю стало известно, что вы устраивали запрещенные публичные представления вашей пьесы.

ПУШКИН. Это неправда.

БЕНКЕНДОРФ. Я надеюсь, вы не предполагаете, что с уст Его императорского величества может слететь ложь.

ПУШКИН. Я говорю, что не было ни публичного, ни представления. Я читал пьесу нескольким друзьям в частном доме.

(Смех группы у задника. Дантес рассказал что-то забавное).

БЕНКЕНДОРФ *(выходит из-за рамы к авансцене, когда говорит)*. Читка – это представление, читка перед несколькими людьми – публичное представление, а в законе четко прописано, что все, предназначенное для публичного представления, должно ободряться цензорами.

ПУШКИН. Мне и в голову не приходило, что среди друзей...

БЕНКЕНДОРФ. Я знаю, вы стремитесь устранить это серьезное нарушение закона, немедленно представив рукопись в Тайную полицию для объективной оценки.

ПУШКИН. Если кто-то хочет ее прочитать – я не возражаю, но...

БЕНКЕНДОРФ *(протягивает руку)*. Да, я ее возьму, заранее благодарен.

ПУШКИН (*берет рукопись со стола*). Это мой единственный экземпляр, и...

БЕНКЕНДОРФ (*выхватывает рукопись, холодно*). Это ошибка, знаете ли. Единственный экземпляр нельзя отдавать никому. Вдруг он затеряется? Или мой кот его обосрет?

ПУШКИН. Как это похоже на уровень критики, который я ожидаю.

БЕНКЕНДОРФ. У нас уже накопилось толстенное досье, Пушкин. Безрассудства вам не занимать. Драчливость. Похоть. Загулы. А что еще более подозрительно, вы пишете... не как добропорядочный человек, а словно одержимый демоном. Пишете всю ночь, иногда до зари, а потом чем полдня.

ПУШКИН. Откуда вы знаете, как я пишу?

БЕНКЕНДОРФ. Знать такое – моя работа.

ПУШКИН. А моя – писать.

БЕНКЕНДОРФ. Некоторые люди к этому склонны, да. Но по моему разумению, писать так много – это крайне необычно для молодого человека со столь безнравственными привычками.

ПУШКИН. Это преступление – быть необычным?

БЕНКЕНДОРФ. Я не знаю, обязательно ли это преступление. Но практически всегда – ошибка. Понаблюдайте за поведением детей или волчьей стаи. Один из способов изучить природу человека – наблюдение за гиенами. Любую особь, которая ведет себе отлично от остальных, покусуют и съедят. Так к чему вы стремитесь? Почему так много пишете?

ПУШКИН. Почему кто-то что-то делает? Потому что мне нравится.

БЕНКЕНДОРФ. Вам нравится?

ПУШКИН. Да.

БЕНКЕНДОРФ. Писательство доставляет вам наслаждение?

ПУШКИН. Неужели это так трудно – осознать, что человек может получать наслаждение от писательства?

БЕНКЕНДОРФ. И какое вы получаете наслаждение от писательства?

ПУШКИН. Не знаю. Почему вы получаете наслаждение, копаясь в делах других людей? Какое вы получаете наслаждение, позволяя своему коту срать на мои рукописи?

БЕНКЕНДОРФ. Вы думаете, шпионить за людьми для меня – наслаждение? Что ж, если на то пошло, это довольно забавно. Значит, мы с вами похожи. Мы оба пытаемся отыскать истину.

ПУШКИН. Не думаю я, что мы в чем-то похожи.

БЕНКЕНДОРФ. Пожалуйста. Ложная скромность не красит. Но мне нужно сделать парочку арестов, проследить за казнью, так что продолжить нам придется в другое время. (*Поворачивается, чтобы уйти*).

ПУШКИН. Подождите. Моя рукопись.

БЕНКЕНДОРФ. Царю не терпится ее прочитать.

ПУШКИН. Но мне нужна моя рукопись.

БЕНКЕНДОРФ. Не волнуйтесь. Мы вернем ее вам через несколько лет. И я уверен, что такой человек, как вы, найдет, чем себя занять.

(*БЕНКЕНДОРФ смотрит на группу у задника, уходит. ПУШКИН смотрит на ту же группу, вслед БЕНКЕНДОРФУ, вновь на группу, когда...*)

Картина 2

(Музыка становится чуть громче, как и разговор, и смех Кати, НАТАЛЬИ и АЛЕКСАНДРЫ, болтающих с бароном ГЕККЕРНОМ и ДАНТЕСОМ, рассказывающим какую-то историю. Из нее мы слышим только ударную фразу).

ДАНТЕС. На что я ей сказал, графиня, они впечатляют, но вы не боитесь, что они поси-
неют на таком холоде?

(Взрыв смеха Кати и НАТАЛЬИ, но не АЛЕКСАНДРЫ. Она смотрит на ПУШКИНА, отделяется от группы, идет к нему).

АЛЕКСАНДРА. Я заметила, что вы не сводите глаз с моей сестры.

(У дивана НАТАЛЬЯ оживленно болтает с ДАНТЕСОМ, тогда как КАТЯ и ГЕККЕРН только смотрят на них, оставленные не у дел).

ПУШКИН. Никто не может оторвать глаз от вашей сестры. Она – самая красивая жен-
щина Петербурга.

АЛЕКСАНДРА. Где-то я это уже слышала.

ПУШКИН. Но это, разумеется, нисколько не принижает вашей красоты и...

АЛЕКСАНДРА. Пожалуйста. Не сотрясайте понапрасну воздух. Сестры прекрасно осве-
домлены о своей иерархии в глазах мужчин. Катя самая некрасивая, но у нее золотое сердце.
Посмотрите, как они все ее игнорируют. Я – умная, но привлекательная лишь до появления
Натали. Когда она входит в зал, на остальных падает тень.

ГЕККЕРН *(берет упирающегося ДАНТЕСА за руку и отводит влево)*. Пошли, солдат.
Тебе пора спать. Не то опять окажешься на гауптвахте. Ты и так проводишь там половину
времени, а вторую половину – на посту, озорник.

АЛЕКСАНДРА *(НАТАЛИ машет рукой на прощание, а КАТЯ с грустью смотрит
вслед)*. Смотрите. Этому старому монстру наконец-то удалось оттащить от нее своего маль-
чишку. Почему бы вам не подойти и не поговорить с ней? Насколько мне известно, вы не из
застенчивых.

ПУШКИН. Обычно – нет. Но красоту вашей сестры я нахожу устрашающей.

АЛЕКСАНДРА. Да перестаньте. Заверяю вас, нужду она справляет, как все. *(Хватает
ПУШКИНА за руку)*. Пойдемте, Пушкин. Не могу смотреть, как вы страдаете. Но предупре-
ждаю вас, она пуста, как сума у слепого. *(ТАЩИТ ПУШКИНА к НАТАЛЬЕ)*. Наталя, поговори
с бедным Пушкиным. Он так в тебя влюблен, что лишился дара речи.

ПУШКИН. Ваша сестра – такая насмешница.

НАТАЛЬЯ. Я знаю. Она обожает смущать людей. Это так раздражает.

АЛЕКСАНДРА. Да. И я раздражала бы куда меньше, если бы была глупой. Пушкин –
великий писатель и поэт, знаешь ли.

НАТАЛЬЯ. Не говори ерунды. Великие писатели – старики. За исключением тех, кто
умер.

ПУШКИН. Что ж, скоро я попаду в первые или во вторые. Может, тогда буду соответ-
ствовать.

КАТЯ. Обратите внимание, меня она даже не представила. Меня все и всегда игнори-
руют.

АЛЕКСАНДРА. А это Катя, которая переполнена жалостью к себе.

КАТЯ. А разве на то нет причины? Я словно в шапке-невидимке.

АЛЕКСАНДРА *(берет КАТЮ за руку и уводит)*. Пошли, дорогая. Посмотрим, куда этот
ужасный старик-голландец увел прекрасного мальчика, которого всем представляет как своего
сына. Можем, нам удастся застыдить его до такой степени, что он пригласит тебя на танец.

(Обращаясь к ПУШКИНУ). Это ваш шанс накликать большую беду, Пушкин. Не упустите его. (Уводит КАТЮ вслед за ГЕККЕРНОМ и ДАНТЕСОМ. ПУШКИН и НАТАЛЬЯ смотрят друг на друга).

НАТАЛЬЯ. Прошу извинить моих сестер. Они так сильно меня ненавидят.

ПУШКИН. Да как можно вас ненавидеть!

НАТАЛЬЯ. Легко. Все меня ненавидят. Женщины – потому что мужчины хотят меня. Мужчины – потому что я не хочу их. Так ужасно, когда на тебя всегда смотрят, но никогда не видят. Единственный плюс – все хотят танцевать со мной, а я люблю танцевать. Не думаю, что я видела вас танцующим. Почему вы не танцуете?

ПУШКИН. У меня плохое колено. Поэтому танцую я неуклюже, и нога сильно болит.

НАТАЛЬЯ. Вы хорошо танцевали до того, как повредили колено?

ПУШКИН. Нет.

НАТАЛЬЯ. Какая жалость, потому что вы совсем не такой неприятный, каким кажется, если с вами не поговоришь.

ПУШКИН. Как я понимаю, это комплимент.

НАТАЛЬЯ. Мы можем быть вполне откровенны. Чего ходить вокруг да около? Я – красавица, а вы – урод. Что есть, то есть. Мы оба это знаем. Любой это видит. Так чего прямо об этом и не сказать? Нашей вины в этом нет. И если честно, познакомившись со всеми красавцами Санкт-Петербурга, я могу со всей ответственностью заявить, что девяносто восемь процентов вызывают не большего интереса, чем обои, а оставшиеся два настолько самодовольны, что ужасно хочется окунуть их головой в бочку с водой. Урод, с которым можно разговаривать, приятное разнообразие. Но это должен быть человек, умеющий и любящий танцевать. Мое условие – обязательное.

ПУШКИН. Танцы – это не все.

НАТАЛЬЯ. Вы ошибаетесь. Танцы – это все. Единственная форма близости, которая действительно приносит удовлетворение.

ПУШКИН. Но сближаться можно иначе.

НАТАЛЬЯ. Да, но эти способы отвратительны.

ПУШКИН. Тогда, боюсь, мое положение безнадежно.

НАТАЛЬЯ. Не огорчайтесь. Оно было бы безнадежным в любом случае. Вы – писатель. И станете отвратительным мужем для какой-нибудь несчастной женщины. Желание писать не оставит вас никогда.

ПУШКИН. Такая женщина, как вы, способна выманить меня из-за письменного стола.

НАТАЛЬЯ. Ага. Неуклюжий комплимент, свидетельствующий о желании понравиться. Когда у вас в штанах все горит, вы такие дурачки. Теперь вы захотите меня поцеловать, а если я вам разрешу, исключительно из милосердия, вас это только раззадорит, и закончится все разбитым сердцем. Я переменчива, знаете ли. Не могу сосредотачиваться на одном человеке дольше двух недель. Плюс моя семья постоянно балансирует на грани финансовой или душевной катастрофы, так что приданого за мной нет.

ПУШКИН. И тем не менее, возможно, мы – две заблудшие души, которым суждено идти вместе, несмотря на все преграды.

НАТАЛЬЯ. Вот это уж совсем гнетущая мысль. (К ним направляется БЕНКЕНДОРФ). О, нет. Сюда идет этот ужасный граф Бенкендорф, из тайной полиции. Если он пригласит меня на танец, я умру.

БЕНКЕНДОРФ. За вами танец, прекрасная дама, и я пришел, чтобы получить должок.

НАТАЛЬЯ (прикладывает руку к уху, словно прислушиваясь). Что? (Обращаясь к БЕНКЕНДОРФУ, убегая). Извините. Зовет сестра. Может, в следующий раз.

БЕНКЕНДОРФ. Она жуткая лгунья, но невероятно хороша. Я сочувствую мужчине, который на ней женится.

ПУШКИН. Сочувствуете?

БЕНКЕНДОРФ. Я сказал, сочувствую? Нет, завидую, конечно. И обнаженная она еще более красива.

ПУШКИН. Что?

БЕНКЕНДОРФ. Как я себе это представляю, разумеется. Только не подумайте, что я пытался оскорбить даму.

ПУШКИН. Будьте осторожны.

БЕНКЕНДОРФ. Вы говорите мне, будьте осторожны?

ПУШКИН. Да.

БЕНКЕНДОРФ. Я всегда осторожен. Это вы пренебрегаете осторожностью. Кстати, царь прочитал вашу пьесу, и он полагает, пусть она и не без достоинств, история была бы куда более увлекательной, как исторический роман, в манере сэра Вальтера Скотта.

ПУШКИН. Это не роман. Пьеса.

БЕНКЕНДОРФ. Царь думает, что это должен быть роман. С нетерпением ждет исправленного вами текста.

ПУШКИН. Я крайне признателен Его императорскому величеству, который не счел за труд поделиться со мной своими мыслями, но, боюсь, переделать уже написанное выше моих сил.

БЕНКЕНДОРФ. Вы не должны недооценивать собственные способности. Если вы настроитесь, я уверен, все у вас получится.

ПУШКИН. Я так не думаю.

БЕНКЕНДОРФ. К счастью то, что вы думаете, особо значения не имеет. Вы всего лишь автор.

ПУШКИН. И тем не менее.

БЕНКЕНДОРФ. То есть переписывать текст вы отказываетесь?

ПУШКИН. Я лишь заявляю, что мои способности, как автора, ограничены.

БЕНКЕНДОРФ. Должен предупредить вас, что царь будет очень разочарован. Участие ваших друзей в декабрьском заговоре не забыто, знаете ли. И лучше бы вам помнить, чем для них все закончилось. Некоторые ваши стихи были до абсурда дерзкими.

«Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим».
Право же, какое мальчишество.

ПУШКИН. Я этого не писал.

БЕНКЕНДОРФ. Мои источники говорят, что писали.

ПУШКИН. Ваши источники невежественные, роящиеся в экскрементах свиньи.

БЕНКЕНДОРФ (*пауза: он смотрит на ПУШКИНА, потом говорит, сдерживая себя*). Царь проявляет необычайный интерес к вашей работе. Готов читать все, написанное вами. Отныне присылайте ваши произведения непосредственно мне, до получения разрешения на публикацию. Мне не терпится начать работать с вами, и я уверен, что мы вдвоем, ведомые мудростью царя, сможем добиться очень и очень многого. А теперь я отправлюсь на поиски этой обольстительной девушки и постараюсь уломать ее на танец со мной. Какой смысл возглавлять тайную полицию, если страх перед тобой не убеждает симпатичных женщин идти навстречу твоим желаниям? Правда?

(БЕНКЕНДОРФ уходит, оставляя ПУШКИНА одного, раздраженного и встревоженного, тогда как свет тускнеет, а балльная музыка сменяется цыганской).

Картина 3

(Вечер в цыганском таборе на ярмарке. ПУШКИН прогуливается с ГОГОЛЕМ).

ГОГОЛЬ. Ярмарка – мое любимое время года. Больше всего походит на мою жизнь: череда смутных отражений в лабиринте зеркал под дождем. Хорошо сказал. Надо это записать. Я всегда помню эти блистательные мысли, но потом забываю. Но нет. К черту. Все это дерьмо. Если бы я мог писать, как ты, то не был бы таким уродливым.

ПУШКИН. Ты очень хороший писатель.

ГОГОЛЬ. Да, но я еще и странный. Люди странности не любят. Ты бередишь душу. Я взмучиваю воду. Гоголь гротескный и слишком необычен для нормальных людей. Но Пушкин циничный и его мы можем боготворить.

ПУШКИН. Я не хочу, чтобы меня боготворили.

ГОГОЛЬ. Ты даже лжешь прекрасно. И спишь с пятью женщинами на дню. Я провожу большинство ночей, передвигая мебель, кукарекая как петух и напевая русские народные песни. Поднимаюсь с кровати, чтобы отлить, я натываюсь на комод. Мебель стоит не там, куда я ее ставил. Я убежден, стоит мне заснуть, как она перемещается по комнате. НА полу я нахожу следы от львиных лап на ножках стульев.

ПУШКИН. А может, ты просто выжил из ума.

ГОГОЛЬ. Что ж, отчасти это так. Я унаследовал это у матери. Она верит, что я изобрел паровой двигатель и написал книгу Плач Иеремии. Иногда я думаю, что так оно и есть. *(Мимо проходит Смерть, в черном плаще и маской-черепом).* Привет? Как поживаете? Дела идут хорошо?

СМЕРТЬ. Не жалуюсь.

ГОГОЛЬ. Что ж, продолжайте в том же духе.

(Поднимает руки с оттопыренными большими пальцами. СМЕРТЬ отвечает тем же и уходит. Появляется МАНЬЯК).

МАНЬЯК. Господа, если вы дорожите своими бессмертными душами, уходите из этого гибельного места. Проклятье Божье навеки лежит на этой языческой скверне.

ПУШКИН. Вы про ярмарку? Мне она представляется весьма невинным развлечением.

ДЕВУШКА-ЛЕОПАРД *(скудно одетая женщина с маской леопарда выбегает на сцену и отчаянно кричит, начинает кружить вокруг них, преследуемая обезумевшей ГОРИЛЛОЙ)*. А-А-А-А-А-А-Х! А-А-А-А-А-Х!

ГОРИЛЛА *(хватает длинный хвост ДЕВУШКИ-ЛЕОПАРДА и ревет, когда они убегают)*. РЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы! РЫ-Ы-Ы-Ы-Ы!

МАНЬЯК. Жонглеры, акробаты, женщины, извращенцы, звери, актеры. Черные язвы и кровоточащие раны. Пузырящиеся и разлагающиеся грехи. Проклятие будет навечно наложено на вас. Ярмарка – это смерть. Тент фокусника вспыхнет, сотня душ поджарится, как картошка. Пылающие голуби разлетятся по небу. Горящие кролики разбегутся по земле. Ради Бога, господа, не позволяйте ярмарке проглотить вас. Это четвертый портал ада.

ГОГОЛЬ. Все нормально. Мы – писатели. Нам все равно гореть в аду.

МАНЬЯК. Писатели? В таком случае идите и горите.

(МАНЬЯК крестится и уходит. За столиком слева, у авансцены цыганка, очень похожая на ПИКОВУЮ ДАМУ, тасует карты).

ГОГОЛЬ. Определенно, Бог в поклонниках твоего творчества не значится. Посмотри. Цыганская гадалка. Как жаль, что я не цыган. Хотя нет, я решил стать нормальным. Добропорядочным нормальным русским, который лопаёт блины и рыгает у самовара. Посмотри, как она прекрасна. В чем я завидую тебе, Пушкин, так это не тому, как ты пишешь, а твоему фено-

менальному успеху у женщин. Я даже представить себе не могу, как тебе удастся соблазнить их без видимых усилий. Чем, чем ты их берешь?

ПУШКИН. Если на то пошло, большинство женщин не надо и уговаривать.

ГОГОЛЬ. Это тебе. А для меня – все равно, что затолкать верблюда в задницу. Мы одинаково уродливы, но женщины так и вешаются на тебя. В чем дело? В чем секрет? У меня воняют ноги?

ПУШКИН. Не надо возвышать женщин. Иной раз они не против поклонения, но предпочитают отдаваться мужчине, который смотрит на них трезвым взглядом. Не получится у тебя трахнуть женщину, стоящую на пьедестале.

ГОГОЛЬ. У меня бы получилось, будь у меня пенис подлиннее. Но они не подпускают меня к себе. А перед тобой не могут устоять даже самые красивые.

ПУШКИН. Красота скрывает множество грехов.

ГОГОЛЬ. Вот это я и ищу. Множество грехов. Но потом думаю, а может, я не прав. И человек может жить без женщин. Монахи тому пример. Да только у монахов есть монахини, правильно? Не говоря про других монахов. И как без них спать ночью? Впрочем, в твоем случае времени для сна просто нет.

ПУШКИН. Открою тебе секрет, Гоголь. Мне легко с женщинами, к которым я равнодушен. А с женщиной, вызывающей чувства, я такой же идиот, как и ты.

ГОГОЛЬ. Ты это говоришь, чтобы поднять мне настроение...

ПУШКИН. Нет. Это абсолютная правда. В молодости я подхватил пневмонию. Мокнул под дождем, дожидаясь, когда проститутка пустит меня к себе. Это идеальный образ для жизни мужчины. Вспоминая прошлое, я задаюсь вопросом, что мешало ей открыть дверь: жестокость или сострадание?

ГОГОЛЬ. Сострадание?

ПУШКИН. У нее был сифилис.

ГОГОЛЬ. Какая прекрасная история. Ты думаешь, любовь заставляет ноги вонять?

ПУШКИН. Любовь заставляет вонять все.

ГОГОЛЬ. Ох, Пушкин, ты такой романтик. Я попытаю удачу с предсказательницей судьбы. Она так похожа на Пиковую даму. Вы предскажите будущее моему другу, ваше сиятельство?

ПУШКИН. Я не хочу его знать.

ГОГОЛЬ. А я хочу. Хочу знать, когда умрут все мои враги. Если я не могу писать лучше их, так хоть проживу дольше. Цыганка, скажи мне, стану ли я величайшим живым писателем после того, как умрут все остальные?

ПИКОВАЯ ДАМА. Сначала он.

ГОГОЛЬ. Видишь, даже шарлатаны отдают предпочтение тебе. У меня чума? Из носа свисает длинная, зеленая сопля?

ПИКОВАЯ ДАМА. Да.

ГОГОЛЬ. Ох. Извините. *(Достает большой красный платок и сморкается)*.

ПИКОВАЯ ДАМА *(обращаясь к ПУШКИНУ)*. Дай взглянуть на твою ладонь. *(ПУШКИН протягивает руку, ладонью вверх)*. Писателям надо чаще мыть руки.

ПУШКИН. Я пытался. Пятна крови смываются, но не чернила.

ПИКОВАЯ ДАМА. Что ж, это интересно.

ГОГОЛЬ. Что? Что ты видишь? Он не переживет меня, так?

ПИКОВАЯ ДАМА. Ты женишься на красавице. Будешь жить в ссылке в холодном и уединенном месте. Любовь станет причиной твоей смерти.

ПУШКИН. Это все?

ПИКОВАЯ ДАМА. Разве недостаточно?

ГОГОЛЬ. А как насчет меня? Предскажи судьбу и мне. Я женюсь на красавице? Умру от любви?

ПИКОВАЯ ДАМА. Ты умрешь безумным, сожжешь книгу своей жизни, а по твоему носу будут ползать пиявки.

ГОГОЛЬ. Пиявки по моему носу? Ты даже не взглянула на мою ладонь!

ПИКОВАЯ ДАМА. Не нужно мне смотреть на твою ладонь. И я не хочу прикасаться к тебе.

ГОГОЛЬ. Видишь? Видишь? Она чувствует запах моих ног. Ты чувствуешь запах моих ног, так?

ПИКОВАЯ ДАМА. Твои ноги учуют даже безносые люди на Марсе.

ГОГОЛЬ. Наконец-то я встретил честную женщину. Пиковая дама, ты станешь моей женой?

Картина 4

(НАТАЛЬЯ начинает говорить сразу же, из другого времени и места, продолжая ранее начатый разговор с ПУШКИНЫМ, который просто поднимается со стула и поворачивается к ней, тогда как ГОГОЛЬ и ПИКОВАЯ ДАМА растворяются в тенях. Мы снова на балу).

НАТАЛЬЯ. Выйти за вас? Как я могу выйти за вас? Я скорее вобью в голову железно-дорожные костыли, чем выйду за писателя. А кроме того, только не обижайтесь, вы действительно очень уродливый.

ПУШКИН. Вы говорили, это не имеет значения.

НАТАЛЬЯ. Старалась не выходить из рамок приличия, а это всегда ошибка.

ПУШКИН. Лучше выйти за уроды, который вас любит, чем за красавца, которому вы безразличны.

НАТАЛЬЯ. Любовь уходит быстрее, чем скисает молоко.

ПУШКИН. Я вполне готов любить вас до самой смерти.

НАТАЛЬЯ. Вы намерены в самом скором времени покончить с собой?

ПУШКИН. Я не шучу. Никогда в жизни не был таким серьезным.

НАТАЛЬЯ. Что ж, перестаньте. Это даже не интересно. На самом деле любить – большая глупость.

ПУШКИН. Знаю, что глупость, но люблю.

НАТАЛЬЯ. Почему? Какие мои слова или действия вызвали этот прискорбный взрыв бессмысленного обожания?

ПУШКИН. Ничего такого вы не сделали. И не сказали. Вы прекрасны, это правда, я и раньше волочился за красавицами, но ведь не влюблялся. В каком-то смысле я в таком же ужасе, что и вы. Я ненавижу собственную слабость. Мне не хочется оказаться в чьей-то власти. И я вижу, что вы не уважаете того, кто любит вас, поскольку не уважаете себя. Я уверен, вы предпочли бы смазливому дебила. Но уродливый соблазнитель, который влюбляется и ведет себя как дебил... такого не полюбит никто. Теперь вы понимаете мою дилемму. Я почти что надеюсь, что вы меня отвергнете, и я смогу вернуться к бездумному отчаянию совокуплений без любви, лишившись всего этого унижительного безумия надежды. И при этом я знаю, что это безнадежно, любая любовь безнадежна, скорее всего, и та, на которую отвечают взаимностью. Господи, да что я такое говорю. Вы довели меня до полнейшего идиотизма. Если я стану еще глупее, но рискую превратиться в красавца.

НАТАЛЬЯ. Вы должны благодарить меня за отказ. Я избавляю вас от страданий. Последуйте собственному совету и женитесь на девушке, обделенной красотой, которая любит вас. Тогда уродство будет ждать вас дома, а спать вы сможете со всеми, кто вам это позволит. А теперь прошу меня извинить, я собираюсь потанцевать с мужчиной, начисто лишенным мозга.

(НАТАЛИИ отходит к дивану, на котором сидят ее сестры. ПУШКИН стоит, сокрушенный отказом, смотрит ей вслед. БЕНКЕНДОРФ появляется из-за растения в кадке).

БЕНКЕНДОРФ. Я надеюсь этот довольно-таки жесткий отказ не вызовет у вас желания пустить пуля в висок. Писатели – чудовищные эгоисты.

ПУШКИН. Что вы здесь делаете?

БЕНКЕНДОРФ. Я всегда и везде. Как Святой Дух. Чертовски жаль, что она не вышла за вас. Хотелось бы посмотреть на детей. Этакая смесь лебедя и абиссинского бородавочника. Женщина приносит смерть в сердце мужчины. Это вы написали в своем маленьком блокноте, так? Не с синей обложкой. С коричневой, который вы держите в нижнем ящике.

ПУШКИН. Откуда вы знаете, что я пишу в своих блокнотах?

БЕНКЕНДОРФ. Поверьте мне, без нее вам будет лучше. Ее мать глупая и злобная. Отец – пьяница, а еще и безумен. И у нее нет приданого.

ПУШКИН. Она – самое восхитительное существо, созданное Богом.

БЕНКЕНДОРФ. Так вы думаете, что есть Бог? Что ж, это лишь одна из версий.

(ПУШКИН и БЕНКЕНДОРФ через сцену смотрят на НАТАЛЬЮ, уходя в тень. Они остаются на сцене).

Картина 5

(Прожекторы освещают ГЕККЕРНА и ДАТЕСА, которые стоят у авансцены, на том же балу, смотрят на ПУШКИНА и БЕНКЕНДОРФА, которые в глубине сцены. Продолжает играть приглушенная музыка).

ДАНТЕС. Кто этот мрачный тип, который постоянно рядом с Пушкиным?

ГЕККЕРН. Граф Бенкендорф, возглавляющий тайную полицию царя. Настоятельно советую держаться от него подальше.

ДАНТЕС. А чего ему надо от Пушкина?

ГЕККЕРН. Он также главный царский цензор. Отслеживает каждое слово, написанное Пушкиным. Очень опасный человек. Уже поздно. Не пора ли домой?

ДАНТЕС. Еще нет. Пушкин не отрывает глаз от Натальи. Почему он так смотрит на нее?

ГЕККЕРН. Все смотрят на нее. Смотрели и будут смотреть. Я действительно вымотался, дорогой мальчик. Ты знаешь, я привык ложиться рано. Пошли.

ДАНТЕС. Ты иди. Я приду позже.

ГЕККЕРН. Если ты пропустишь утреннее построение, опять отправишься на гауптвахту. Ты проводишь там больше времени, чем крысы.

ДАНТЕС. Какая тебе разница, пропущу я утреннее построение или нет. Когда ты перестанешь носиться со мной, как с писаной торбой? Я могу остаться, если мне того хочется. Я – не твоя жена.

ГЕККЕРН. Это мне прекрасно известно. Хорошего вечера. *(Разворачивается на каблучках и с достоинством уходит).*

Картина 6

(Прожекторы смещаются на КАТЮ, НАТАЛЬЮ, АЛЕКСАНДРУ. Играет музыка).

АЛЕКСАНДРА. Пушкин уговаривал тебя переспать с ним?

НАТАЛЬЯ. Если на то пошло, звал замуж.

КАТЯ. Пушкин сделал тебе предложение? Правда?

НАТАЛЬЯ. Боюсь, что да.

АЛЕКСАНДРА. И что ты ответила?

НАТАЛЬЯ. Отказала, естественно.

КАТЯ. Почему ты отказала?

НАТАЛЬЯ. Да перестань. Кто бы в здравом уме захотел стать женой такого человека?

АЛЕКСАНДРА. Катя.

КАТЯ. Никто на мне не женится. Я усохну и умру в одиночестве.

НАТАЛЬЯ. Да, возможно.

АЛЕКСАНДРА. Не теряй надежды, дорогая. Жизнь полна сюрпризов.

КАТЯ. Только не в России.

АЛЕКСАНДРА. Я заметила, что симпатичный барон Дантес то и дело поглядывает на тебя.

КАТЯ. Он смотрит не на меня, а мимо меня, на Наталью. Я для него не отличаюсь от растения в горшке.

(ГОГОЛЬ неуклюже подходит к трем женщинам).

ГОГОЛЬ *(обращается к НАТАЛЬЕ)*. Прошу извинить. Не желаете потанцевать?

НАТАЛЬЯ. Нет, благодарю.

ГОГОЛЬ. Но вы всегда хотите потанцевать. Вы танцуете со всеми.

НАТАЛЬЯ. Это так, но, видите ли, я подвернула лодыжку.

ГОГОЛЬ. Ох, извините. *(Пауза)*. Причина не в том, что я уродлив?

АЛЕКСАНДРА. Разумеется, нет. Ей нравятся уродливые. А от Пушкина она просто без ума.

ГОГОЛЬ. Да. Пушкин. Пушкин. Всегда Пушкин. Все вертится вокруг Пушкина.

ДАНТЕС *(подходит к НАТАЛЬЕ)*. Не желаете потанцевать?

НАТАЛЬЯ. С удовольствием.

(ДАНТЕС берет НАТАЛЬЮ за руку, и они танцуют).

ГОГОЛЬ. Вот. Вы только посмотрите. Вы это видите? Чудесное выздоровление.

АЛЕКСАНДРА. Красивые всегда жестоки. Они могут себе это позволить, потому что для них последствия откладываются до тех времен, когда они становятся уродливыми.

ГОГОЛЬ *(глядя на АЛЕКСАНДРУ)*. А вы очень интересная девушка. Не желаете потанцевать?

АЛЕКСАНДРА. Нет, благодарю. Меня немного мутит от вида моей сестры, кружащейся в танце с этим прекрасным болваном. Пригласите Катю, почему нет?

КАТЯ. Я не хочу с ним танцевать. Он уродливый и странный.

ГОГОЛЬ. Благодарю за честность?

КАТЯ. Ничего личного.

ГОГОЛЬ. Естественно. Уродливый, странный и безликий. Я должен научиться не реагировать на эти рутинные унижения. Пойду лучше домой, напишу письмо своему носу. *(Уходит)*.

АЛЕКСАНДРА *(обращаясь к Кате)*. Если честно, Катя, мы такие же пустые, как Наталья. Просто не такие красивые.

КАТЯ. Я бы предпочла быть пустой и красивой. А ты нет?

АЛЕКСАНДРА. Я бы предпочла, чтобы мужчины не были такими говнюками.

(Они уходят в тень, музыка продолжает играть).

Картина 7

(Прожектора освещают ПУШКИНА и БЕНКЕНДОРФА, которые наблюдают за танцующими ДАНТЕСОМ и НАТАЛЬЕЙ)

БЕНКЕНДОРФ. У меня есть несколько идей по части улучшения «Евгения Онегина». Я не говорю, что все плохо. Просто думаю, кое-где слово-другое можно изменить...

ПУШКИН. Замены слов меня не интересуют.

БЕНКЕНДОРФ. Но вы даже не знаете, о чем я?

ПУШКИН. Мне без разницы. Я не хочу, чтобы вы вмешивались в мою работу.

БЕНКЕНДОРФ. Это такое типичное высокомерие. Почему слово, выбранное вами, лучше слова, предложенного мной? Писатели – что дети, «пекущие» куличи в песочнице. Слишком гордые, чтобы позволить кому-то им помочь. Думают, что ни в чем не могут ошибиться.

ПУШКИН. С чего вы взяли, что лучше меня знаете, какое слово надо использовать?

БЕНКЕНДОРФ. А почему вы думаете, что такого быть не может?

ПУШКИН. Потому что это мои стихи. Не ваши. Мои!

БЕНКЕНДОРФ. И вы никогда не отвечаете на мои письма.

ПУШКИН. Занят.

БЕНКЕНДОРФ. Да, нам известно, какой вы занятой. Вы очень популярный. Все вас знают. Дети заучивают ваши стихотворения. Женщины голыми ложатся у ваших ног. За исключением, увы, одной, которая вам действительно нужна. Вам не кажется странным, что женщины питают отвращение ко мне, возглавляющему тайную полицию царя, но сотнями падают на колени перед вами, простым писакой, автором пьес и прочей ерунды? Несмотря на общеизвестный факт, что вашего прадедушку привез из Африки француз, собиравший редких животных.

ПУШКИН. Я в высшей степени горжусь своим африканским происхождением.

БЕНКЕНДОРФ. Вы в высшей степени гордитесь всем. Это ваша проблема. Должно быть, это крайне унижительно для вас, получить такой грубый отказ от женщины, которую любите, в тот самый день, когда газета опубликовала такую жуткую рецензию. Злобную и предвзятую.

ПУШКИН. Рецензентов принято жалеть в той же мере, что и мужчин, родившихся без пениса.

БЕНКЕНДОРФ. Вы расстроены в большей степени, чем желаете это показать. Никто не любит оскорблений в газете. Надеюсь, вы не вызовете рецензента на дуэль? Потому что я, знаете ли, лично знаком с этим человеком.

ПУШКИН. Вы хотите сказать, он – один из ваших информаторов?

БЕНКЕНДОРФ. По меньшей мере, он отвечает на мои письма. Что касается его литературных воззрений, так он выражает исключительно собственное мнение, но он говорит, что вы пишете как обезьяна. Такие комментарии могут показаться крайне огорчительными.

ПУШКИН. Человек пишет не ради похвалы дураков. Совсем по другим причинам.

БЕНКЕНДОРФ. Правда? И по каким? По каким причинам человек добровольно навлекает на себе безжалостные оскорбления людей, которые думают, что он пишет, как обезьяна? Не похвала дураков, не богатство, потому что только осел думает, что разбогатеет, если будет писать что-то помимо глуповатой ахины, тогда что? Что заставляет человека подвергать себя таким страданиям и унижениям на глазах семьи, друзей, женщин?

ПУШКИН. Полагаю, утоление страсти.

БЕНКЕНДОРФ. Как при половом сношении?

ПУШКИН. Только когда пишешь, женщина не нужна.

БЕНКЕНДОРФ. То есть писательство нечто большее, чем онанизм?

ПУШКИН. Вы, вероятно, разбираетесь в этом больше меня.

БЕНКЕНДОРФ. Что вы хотите этим сказать? Вы переходите на личности? Потому что я не люблю перехода на личности.

ПУШКИН. Тогда вы счастливы тем, что вы не писатель.

БЕНКЕНДОРФ. Но я писатель. Я – автор сотен и сотен выверенных в мельчайших деталях донесений царю, касательно деятельности таких, как вы.

ПУШКИН. Вы когда-нибудь получали плохие рецензии?

БЕНКЕНДОРФ. Никогда.

(Они наблюдают, как НАТАЛЬЯ, широко улыбаясь, танцует с ДАНТЕСОМ).

ПУШКИН. Думаю, пришло время покинуть страну.

БЕНКЕНДОРФ. Ага. У вас разбито сердце, вот вы и желаете отправиться в дальние края. Проблема в том, что женщины везде одинаковые. И вы не можете уехать без царского дозволения.

ПУШКИН. Может, царь сможет использовать меня в какой-нибудь дипломатической миссии. Скажем, во Франции.

БЕНКЕНДОРФ. Сожалею. Во Франции все вакансии заняты.

ПУШКИН. Тогда в Китае. Где угодно. Просто позвольте мне на какое-то время уехать.

БЕНКЕНДОРФ. Его императорское величество не захочет, чтобы далекое путешествие помешало творить такому великому поэту, как вы.

ПУШКИН. Но почему царь хочет, чтобы я писал? Чем меньше я пишу, тем меньше у него поводов волноваться, что я сею измену.

БЕНКЕНДОРФ. Царь никогда не волнуется.

ПУШКИН. Я бы хотел поговорить с ним лично.

БЕНКЕНДОРФ. Говоря со мной, вы говорите с царем, и царь говорит, что вы никуда не поедете.

ПУШКИН. Это невыносимо. Я не могу жениться. Не могу путешествовать. Даже не могу писать то, что хочется.

БЕНКЕНДОРФ. Ерунда. Пишите, что хочется. Нас волнует только то, что видят другие люди. Если вы хотите писать, а потом сжигать написанное, вольному воля. Вы освободите меня от необходимости сжигать все самому. Избавитесь от посредника.

ПУШКИН. Я не могу думать. Не могу спать. А когда засыпаю, вижу кошмары с карликами-людоедами. Но вы, вероятно, это знаете. Нет сомнений, что вы шпионите за мной и в моих снах, прячась за растениями в кадках. Такая у меня жизнь: бесконечная битва с карликами-людоедами.

БЕНКЕНДОРФ. Вы расстроены. Может, хотите прилечь? Мои апартаменты неподалеку. Если вам нездоровится...

ПУШКИН. Послушайте меня, мерзкий, садистский холуй. Мне не нужна ваша литературная критика, мне не нужны ваши советы о женщинах, и я не хочу лежать в ваших апартаментах. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.